

Немного о подготовке к экспедиции.

В мае 1982 года состоялось восхождение сборной команды Советского Союза по альпинизму на Джомолунгму. Фильм о подготовке к восхождению можно посмотреть [здесь](#)

. Ниже, выдержка из книги "Эверест, юго-западная стена" о том как производились съемки экспедиции и об съемках фильма "Гималайские сборы".

Отрывок из книги «Эверест, юго-западная стена»

Составитель - Л. М. Замятин Лениздат – 1984

Кинокамера на Эвересте

Осень 1981 года. Полным ходом идёт подготовка экспедиции. Завершаются медицинские исследования и проверки, готовится спортивное снаряжение, питание. Альпинисты загружены до предела.

У всех свои заботы, и, конечно, в эти напряжённые дни восходителям не до нас. Кого же готовить к проведению высотных съёмок? Из всех альпинистов только Лёня Трощиненко на Памире снимал "Конвасом". Он поднял эту тяжёлую 35-миллиметровую камеру на высоту 7400, и в отснятом материале были поэтические кадры — работа альпинистов... сверкающие солнечные лучи, сыпучие снега... почти отвесный скальный участок...

Есть один надёжный помощник. Но этого мало. Хорошо бы, если бы руководство команды запланировало хоть десять — двенадцать часов для занятий со всеми участниками. Но начальник экспедиции Евгений Игоревич Тамм считает целесообразным отложить подготовку до... прихода в базовый лагерь. Идя навстречу просьбам студии, оргкомитет экспедиции предложил нам ещё две кандидатуры — ленинградца Владимира Шопина и грузинского альпиниста Хуту Хергиани.

Итак, костяк высотных операторов киногруппы начал формироваться. Ребята начали читать литературу по киносъёмкам, смотреть отснятый материал за монтажным столом. Грузинские кинематографисты стали срочно обучать Хуту Хергиани основным приёмам работы с кинокамерой.

В эти дни и на нас обрушилось множество вопросов, которые требовали скорейшего решения. Условия съёмки по высотам самые разнообразные, и для разных условий надо выбирать свой формат. Например, при температуре в долине до плюс 40 и до минус 20 градусов в базовом лагере предполагаем использовать 35-миллиметровый негатив, а выше — до самой вершины - 16-миллиметровый негатив, а не диапозитивную (хотя ребята и научились держать камеру но ведь они кинолюбители и всех тонкостей экспонометрии не знают). На каких камерах снимать? Все имеющиеся в нашей кинематографии 16-миллиметровые кинокамеры рассчитаны на работу при нормальных комфортных условиях. Они сложны в обращении тяжёлые, снабжены электрическими моторами. А ведь никакой зарядки аккумуляторов в течение трёх месяцев не будет. Мы будем жить в базовом лагере в палатке, и камеру от вечного льда будет отделять миллиметровый слой полотна! Может случиться и так что альпинисты просто не сумеют доставить камеру на трудный участок маршрута или не смогут вытащить камеру из рюкзака. Ведь им предстоял самый сложный, неизведанный маршрут...

Необходимо было также предусмотреть дублирующую фотосъёмку. На какую плёнку снимать фото? Какие фильтры применять? Какие фотокамеры брать и сколько? И всё это надо было ограничивать по весу: высотную камеру — до 2,5 килограмма, фотоаппарат — до 300 граммов.

Студия "Леннаучфильм", Госкино РСФСР и Госкино СССР подключили в те напряжённые для нас дни многие организации — конструкторское бюро киноаппаратуры, заводы, фабрику киноплёнки.

В сжатые сроки удалось подготовить уникальную аппаратуру и оптику, фотокамеры для восходителей и плёнку, испытать всё это в термобарокамерах при минус 40 градусах.

В январе 1982 года с Володиёвым Шопиным съёмочная группа выехала на Кавказ. Испытывали кинокамеры "Болекс" и "Красногорск", фото-, киноплёнку и светофильтры.

Как только стал известен вес аппаратов, мы совместно с нашими высотными кинооператорами Л. Трощиненко, В. Шопиным и Х. Хергиани составили план распределения кинокамер по лагерям и ознакомили с ним Федерацию альпинизма СССР и оргкомитет эверестовской экспедиции. Вот выдержки из этого плана:

"...Базовый лагерь. Вес основного запаса кинокамер, оптики, плёнки, магнитофонов и штативов, аккумуляторов и батарей — 250 килограммов; лагерь 6500 — 12 килограммов; лагерь 7200—8 килограммов; лагерь 7800—6 килограммов; лагерь 8200—4 килограмма, лагерь 8500—2 килограмма 990 граммов (16-миллиметровая камера с широкоугольным объективом, кассеты с плёнкой).

...Просим предусмотреть в планах восхождения доставку этой аппаратуры в высотные лагеря".

В конце 1981 года наш план был всеми одобрен. Но если бы он выполнялся!.. Да, если бы он выполнялся, тогда у некоторых наших альпинистов не было бы таких сложностей со съёмками на маршруте, которые возникли впоследствии...

В феврале 1982 года подготовка киноэкспедиции завершилась. Камеры и оптика уложены с учётом распределения грузов по лагерям, упакованы так, чтобы ничто их не повредило ни во время перелётов, ни в тряском пути на грузовиках, ни во время транспортировки на спинах яков, ни во время многодневных переносок на спинах носильщиков по крутым заснеженным горным тропам.

Тем временем на завершающем заседании оргкомитета ветераны альпинизма В. Абалаков, К. Кузьмин и в особенности страстный Владимир Монагаров просят помнить, что миллионы людей здесь, на Родине, будут болеть за успех экспедиции, ждать наших репортажей для программы "Время" и "Клуба кинопутешествий", и в особенности будут ждать нашего фильма.

Они поддержали наше предложение включить вес камер в планируемый полезный вес, переносимый восходителем, и особо помогать тем, кому предстояло снимать на высоте.

У кандидатов в сборную шла напряжённая подготовка, а мы попали в цейтнот: кроме всех текущих дел нужно было срочно заканчивать и сдавать фильм "Гималайские сборы". Он рассказывал о подготовке 3 экспедиции к предстоящему восхождению на Эверест. Причём съёмки проходили порой в таких местах и условиях, о которых даже сами руководители экспедиции и не подозревали. Нам удалось снять Юрия Голодова, когда он установил своеобразный рекорд, поднявшись "на высоту" 11 000 метров без кислорода во время испытаний в барокамере. Мы снимали испытания палаток в аэродинамической трубе. Снимали кандидатов в сборную Сергея Ефимова и Валентина Божукова, когда они провели сутки в термобарокамере при температуре минус 40 градусов, при ураганном ветре. Нам удалось быть рядом с ними. Закрытые двумя стальными шлюзами среди инея и мороза, мы ужаснулись, когда через десять минут наши камеры замёрзли.

Мы снимали заседания оргкомитета, которые про водил Анатолий Иванович Колесов, в прошлов выдающийся спортсмен, двукратный чемпион Олимпийских игр, великолепный организатор, ставивший все вопросы и решавший проблемы серьёзно, по-государственному. Благодаря его усилиям были решены многие проблемы, открывшие путь нашим спортсменам в Гималаи, к Эвересту.

"Гималайские сборы" были закончены за два месяца до вылета экспедиции в Непал. Несколько позднее, после завершения восхождения, фильм был доставлен в советское посольство в Катманду и показан на торжественном приёме по случаю покорения величайшей вершины мира собравшимся гостям — дипломатам, журналистам, спортсменам, государственным и общественным деятелям Непала. Его демонстрация неоднократно сопровождалась аплодисментами и восхищёнными возгласами. Так оценивался неимоверно тяжёлый, самоотверженный труд во имя науки, во имя изучения возможностей человека.

Нам запомнилось первое впечатление ребят, посмотревших на самих себя со стороны. Они, честно говоря, были потрясены тем, через что сами прошли. Казбек Валиев первым пошутил: "Это, ребята, фильм ужасов!.."

Порой нам казалось, что ужасной, жестокой была сама судьба экспедиции. Съёмки любого фильма требуют огромных взаимных усилий — тех, кого снимают, и тех, кто снимает...

Жаль, что руководство экспедиции не ставило альпинистам задачу снимать для истории. Этим занимались энтузиасты, которые успели почувствовать силу кинодокумента, которые взвалили на свои плечи незапланированные килограммы и далеко не почётные тогда обязанности.

Особенно трудными были первые дни работы на склонах Эвереста. Ребята приходили измотанные, нервничали. Погода была ужасной. Эверест гудел и гудел. Если стоял этот тяжёлый гул, значит, сила ветра была такова, что работать на маршруте не всегда было под силу. Но ребята работали. В лагерь надо было забрасывать жизненно необходимое, только жизненно необходимое.

Помнится, однажды вечером при свечах — ребята берегли батарейки фонариков — к утреннему выходу на маршрут готовились алмаатинцы.

— Возьмите камеру, ребята... Надо ведь снять вам вашу работу.

В ответ раздаётся грустный глубокий вздох...

— Прихватите камеру. Цены не будет этим кадрам....

— Нет, ребята. Не до камеры нам сейчас.

— Мужики! Ну а как же другие альпинисты?! Диренфурт, руководитель экспедиции в семьдесят третьем году, до восьми пятисот лично нёс камеру и кислород для того, кто пойдёт на штурм вершины... Даже если не удавались экспедиции — оставался материал с горы. Людям оставалась память об экспедиции! Не для себя же просим, ребята! Не для себя! Вон сколько людей хотело пойти на Эверест — сами знаете. Что им покажем, когда вернёмся?!

Подобных ночных встреч у нас было много, практически перед каждым выходом каждой четвёрки. Это были тихие разговоры, требующие большого такта и уважения к спортсменам. Мы понимали, что им тяжело, что часто они идут на грани возможного. Мы не обижались, когда нам отказывали, но... снова и снова упрашивали их взять камеру.

По смете кинокартины четыре высотных шерпа-носильщика должны были помогать в заброске киноаппаратуры в высотные лагеря. Но... Кинокамеры, которые, по нашему убеждению, должны были уже находиться в каждом лагере, чтобы любой из участников мог взять их и снимать то, что подсказываем мы, то, что считает нужным он сам, пока всё ещё лежали внизу, в нашей палатке в базовом лагере.

Мы были счастливы, когда на маршрут уходил Володя Шопин. Он отмахивался от наших слов благодарности, они казались ему назойливыми и лишними. Он просто брал кинокамеру и снимал. Причём ни разу кинокамера не была включена в полезный вес переносимых им грузов.

В нашем дневнике сохранилась такая запись; "Передовая четвёрка начинает работы на ледопаде Кхумбу. Володя Шопин взял с собой одну из камер — начал снимать обработку ледопада, прохождение первых метров над страшными трещинами. Ему удалось снять ту часть маршрута, от которого вскоре экспедиция отказалась. Ледяные глыбы по сорок — пятьдесят метров высотой стояли на маршруте, как молчаливо ждущие изваяния. Через некоторое время они дождались - с грохотом упали. Но Володя успел их снять..."

Однажды ночью, кажется 23 марта, разразился необычайный ураган. Внизу, в базовом лагере вся команда в это время сидела в "кают-компани". Ребята любили эти вечерние часы, когда при свете бензиновой лампы, тихо шипевшей на гвозде под самым шёлковым потолком, текли разговоры; иногда Серёжа Ефимов или Лёня Трошиненко заводили песни и все тут же подхватывали их. Кто-то затевал негромкие разговоры... Кто-то предавался воспоминаниям... А после того, как Володя Балыбердин смастерил шахматы, изобрёл песочные часы, после того, как непальские офицеры связи мистер Висту и мистер Шрестха были научены пению и игре в "фулиш" (по-русски - "дурак"), у всех в "кают-компани" было постоянное дело и интересы.

В тот вечер неожиданно налетевший шквал стал рвать палатку. Эверест гудел всё яростнее и громче. Команд не потребовалось: все сразу же выскочили наружу, кто ухватился за растяжки, удерживая палатку, кто потащил тяжёлые камни, укрепляя

полог. А рядом ветер срывал палатки, где жили альпинисты. Люди в темноте гонялись за разбросанными вещами. В это же время в верхнем лагере шторм с яростной силой трепал и разрывал палатку, в которой отдыхала первая четвёрка — Балыбердин, Мысловский, Шопни и Чёрный.

У Володи Шопина сквозь прорванную о выступ камня палатку ветер как в трубу вытащил пуховку, и она исчезла в ночи. То же грозило и кинокамере, но Володя успел её задержать.

У зрителей часто сдавливают горло в тот момент, когда он видит альпиниста, который бредёт, опираясь на лыжные палки. Это мы сняли возвращающегося с Эвереста Володю Шопина. Вот он зашёл в лагерь. Бросились к нему товарищи. Доктор Орловский, наш любимый Свет Петрович Орловский, дута и свет экспедиции, помогает снять рюкзак. Тут же Юра Кононов. Тут же шерпы и офицеры связи.

В тот выход Володя Шопин пробыл на склонах Эвереста неделю. Камера и плёнка были при нём. Но условия были такими, что он смог отснять только... два кадра... Вот какова цена любого буквально кадра, которые приносили альпинисты с горы.

Запомнилось нам 6 апреля 1982 года. На высоте 7350 заболел Слава Онищенко. Ему становилось всё хуже и хуже. Дело принимало катастрофический оборот. Товарищи начали эвакуацию Вячеслава, однако с большим запозданием.

На рассвете 9 апреля из базового лагеря, чтобы помочь в спуске Онищенко через ледопад Кхумбу, вышли Тамм, Романов, Трошиненко. Спускали его всей группой, страховка спереди и сзади. Около одиннадцати утра на подмогу вышли из базового лагеря Сергей Бершов и Миша Туркевич. В лагере остались Овчинников, Иванов, Ефимов — вглядываются с биноклем в ледопад, ждут появления ребят.

Чувствуем настоятельную необходимость снять спуск Онищенко. Тамм категорически запретил оператору выходить из базового лагеря. Когда ему пытались объяснить, как важно снять эту помощь пострадавшему, Тамм ответил: "Этого ведь нет в сценарии фильма, поэтому снимать незапланированное (!) запрещаю". Почему-то вспомнился день, когда на отзыв Тамму был представлен сценарий фильма (Евгений Игоревич был

нашим консультантом). В том месте сценария, где описывался предполагаемый эпизод оказания помощи — без чего, собственно, не обходилась ни одна эверестская экспедиция, — на полях чётким почерком стояла резолюция: "В экспедиции заболевших не будет!"

И вот Онищенко спускают вниз, а мы ждём, как парализованные. После ухода Тамма Дима Коваленко стал упрашивать Овчинникова. Анатолий Георгиевич тоже сопротивлялся, но как-то нетвёрдо. В 16.00 заглянул в палатку: "Дима, Хута! Вам пора выходить, а то не успеете снять". Собрались с Хергиани быстро, схватили только "Конвас" с трансфокатором и широкоугольным объективом без штатива — и бегом к ледопаду Кхумбу. Легко сказать "бегом"... После полуторачасового подъёма вдруг разглядели среди сераков тёмные фигурки ребят. Дышим тяжело. Пришлось лечь, чтобы не дрожала камера. Снимаем наезд, поставив камеру на глыбу льда. Появляется в кадре Евгений Игоревич, машет руками: "Не снимайте! Слышите? Не снимайте!!" Минут через пятнадцать ребята спустились к нам. Вячеслав Онищенко выглядит ужасно. Но невероятным напряжением воли он ещё держится. Во всяком случае, сам передвигает ноги, поддерживаемый товарищами под руки.

Снимаем с Хутой широкоугольником Бершова, Онищенко и Туркевича. Щадим Славу, не показывая гримасы лица, за которыми боль... Правда, теперь об этом жалею...

Свет Петрович измерил в базовом лагере давление у Онищенко. Пятьдесят на ноль. Вячеслава укладывают в "кают-компанию". Капельница под потолком. Вливания. Шипит подаваемый кислород.

На ночное дежурство у Онищенко назначены Голодов и Коваленко. Долгая, беспокойная, страшная ночь. К утру Онищенко стало легче. Через два дня он стал приподниматься.

Вниз, к зелени, прочь с высоты, понёс его на своих могучих плечах Леонид Трошиненко. Провожали Славу Онищенко все, кто был в базовом лагере. Коваленко снимал. Володя Шопин писал фонограмму.

Позднее, когда сам Онищенко увидел эти кадры, они потрясли его простотой и

одновременно драматизмом происходящего.

Помнится, кто-то из зрителей в Обнинске прислал Евгению Игоревичу Тамму записку: "Есть ли в фильме подтасовка событий?"

— Это казалось нам кощунством — снимать Вячеслава Онищенко в таком состоянии,— скажет в ответ Евгений Игоревич.— Но как хорошо, что ребята сняли эти кадры. Теперь мы им благодарны!

Кто-то спросил:

— Правда ли в кинокадрах, когда Леонид Трошиненко уносит на своих плечах Онищенко? Евгений Игоревич ответил:

— Да. Это правда. В ту минуту, когда Вячеслава Онкщенко уносили из лагеря, это было именно так... И должен сказать,— добавил Евгений Игоревич,— наши экспедиционные кинематографисты. Валя Венделовский и Дима Коваленко, прошедшие с нами экспедицию с первого и до последнего дня, не занимались восстановлением фактов. Они снимали то, как было на самом деле.

29 апреля 1982 года — один из самых счастливых дней пребывания в Гималаях: в базовый лагерь принесли долгожданные вести с Родины. Альпинисты счастливы, читая письма. Ленинградцы слушают "коллективную" кассету с записями голосов детей, жён. Слезы стоят в глазах Володи Шопина. Лёня Трошиненко тоже подозрительно отвернулся. Нам же повезло больше всех; кроме родных нам написали коллеги со студии. Их послание было, пожалуй, самым радостным: кроме добрых слов они сообщали, что первая партия присланного из Непала материала проявлена без брака!

Накануне предстоящей установки последнего перед вершиной, пятого лагеря, а возможно, и штурма вершины в базовом лагере мы снимали торжественную церемонию: Евгений Игоревич Тамм вручал вымпелы — флаги Непала, СССР и Организации Объединённых Наций Мысловскому и Балыбердину, Ильинскому и его группе (Чепчев,

Валиев, Хрищатый). Вручает всем вместе, так как неизвестно, кто всё же пойдёт первым на вершину. Многие сомневаются, что Мысловский и Балыбердин осият маршрут от лагеря-4 до лагеря-5, на котором ещё пусто — нет ни одной верёвки, нет ни одного крюка, где ещё никто никогда не бывал.

Тем не менее Володя Балыбердин накануне выхода научал в нашей палатке кинокамеру. Мы написали ему чёткую и простую инструкцию в крохотной тетрадке: "Пункт 1: снять крышку с объектива; пункт 2; взвести пружину (ручка справа на корпусе), пункт 3: выбрать наиболее важную деталь, навести резкость и снимать без панорам 5—7 секунд". И такие же простые напоминания ещё на нескольких листках. Эти советы позволяли альпинистам на большой высоте, где "трудно соображает голова", снимать с минимальными усилиями. Мы говорим "минимальными", но часто они, эти усилия, выше человеческих сил. Когда перед альпинистами стоит выбор — или один кислородный баллон или кинокамера,— тут есть о чём задуматься. Вот что было поставлено на весы!

Итак, в конце апреля Владимир Балыбердин в лагере 7800 взял кинокамеру, принесённую туда Владимиром Шопиным, и понёс её в верхний лагерь, которого ещё не было... Подъём кинокамеры на 7800 стоил Шопину невероятных усилий, а быть может, и вершины.

Наступило 4 мая 1982 года. Мы на Калапате. Это единственное место вблизи базового лагеря, откуда хорошо видна вершина Эвереста. Ветер рвёт полог нашей высотной палатки. И без того она тесна, сегодня в ней вовсе не шелохнуться: всю ночь вместе с нами отогреваются кино- и фотоаппаратура, громоздкие, угловатые, холодные кофры и ящики, которые мы упрятали сюда от снегопада.

В эту ночь вдаль от базового лагеря мы почти не спали. Наконец в пять утра мы говорили друг другу: "Ну что?... Пора?!" - и молчим. Молчим, понимая, что пришёл самый главный день экспедиции.

До вершины от нас совсем недалеко, по карте всего лишь восемь километров, и мы слышим, как опять начинает гудеть Эверест. Жуткое ощущение: в морозной предутренней мгле звук мчащегося по мосту тяжёлого состава. Только мост этот кажется сотканным из голубых хрупких ледяных глыб. И время от времени Эверест и окрестные вершины, будто при вздохе, сбрасывают с себя лавины. Совсем недавно на рассвете, когда шерпы уходили с заброской кислорода через ледопад Кхумбу, рядом с

ними прогремела лавина и скрыла людей в белой снежной пелене. Если бы они вышли на три минуты раньше... Мы боимся вслух думать, что же могло произойти...

Выползаем на пронизывающий ветреный холод, долго возимся с заледеневшими за ночь "голибьерами", ноги никак не хотят всунуться в эти замёрзшие ботинки, потом воюем с примусом. В нём уже почти нет бензина, его хватает только на то, чтобы куски плотного льда и снега растаяли. Вот и весь сегодняшний чай. На весь день.

Сквозь объектив — огромную, почти полутораметровой длины трубу, которую мы чудом донесли сюда без единой встряски, а несли пешком в течение семнадцати дней,— перед нами чернела на контровом свете увеличенная в сорок раз вершина великого Эвереста.

Поначалу нам казалось, что мы видим на гребне горы два силуэта. Но сколько потом мы ни вглядывались, они оставались на своих местах.

Тем временем окончательно рассвело. С утра день был солнечным, морозным. Величественная панорама Гималаев простиралась перед нами. Настроение было торжественным и высоким. Но к нашим пожиткам опять и опять пикировало чёрное вороньё, как будто бы напоминая о мрачных предчувствиях. Они были у нас, что скрывать, и мы, не сговариваясь, об этом подумали вслух.

У самой стены ледопада Кхумбу в эти минуты уже разыгрывалась первая часть драмы. Шедший за Юрием Голодовым Алексей Москальцов сорвался с лестницы в пятнадцатиметровую трещину и, может быть, именно в эти минуты теряя сознание, пытался дотянуться до отлетевшего от него ледоруба, как до надежды, которую ему никогда не удастся осуществить.

Юрий Голодов, вытащив всё же Лёшу из трещины, будет на радиосвязи с лагерем, сам ещё не до конца сознавая трагичность случившегося, убеждать Евгения Игоревича Тамма, что с Лёшей всё хорошо, что травмы совсем пустяковые. А через час доктор Свет Петрович Орловский передаст свой первый диагноз Евгению Тамму по радио. "Юрий Голодов, — скажет он, — чтобы не смущать восходителей (то есть Владимира Балыбердина и Эдуарда Мысловского), не стал говорить всей правды".

Эверест продолжал тревожно гудеть. Ветер гулял по Западному цирку, как в огромных органных трубах, напоминая о себе мощным голосом. Под грохот лавин, раздававшихся то слева, то справа, Леонид Трошиненко на спине протащил залитого кровью Москальцова через самые опасные места, и уже там, где путь по ледопаду упрощался, Лёшу уложили на специальные носилки.

Уже позднее, когда проявят этот материал, отснятый Хутой Хергиани и самим Леонидом Трошиненко, и плёнка будет на монтажном столе, мы бесконечное число раз будем рассматривать эти кадры... Сыпал мелкий снег. Ярко на фоне льда выделялись фигуры людей. Перебросив через плечи лямки, как постромки, они удерживали почти на весу брезентовое ложе с человеком, два часа назад вышедшим на штурм высочайшей горы мира... Они шли медленно, оберегая своими осторожными шагами чужую боль, которая входила в их сознание как своя собственная, как ещё один жестокий удар Эвереста по планам экспедиции, членами которой они себя особенно остро почувствовали сейчас.

Сейчас, когда всё уже позади, можно о многом вспоминать и рассказывать. Но если ещё и сесть перед экраном, включить его и перед собой прогнать кадры, отснятые в невероятных условиях там, на склонах великой горы,— рука сама потянется к выключателю скорости. И на экране тогда замрёт изображение. И можно его рассматривать как угодно долго... Увы! Как это необъяснимо теперь далеко: как передать ощущения? Как передать чувство кислородного голодания? Огромных ветров? Нестерпимо палящего солнца, которое прожигает твоё тело насквозь, даже через ветрозащитную одежду? Как передать ту слабость, которая валит тебя с ног, сбивает с дыхания?

В тот яркий, солнечный день, разгоревшийся под бирюзовым небом Гималаев, гора каждым сантиметром своей высоты сбивала дыхание Балыбердина и Мысловского. Это мы знали. И хотели для них только победы.

Володя Балыбердин нёс с собой кинокамеру. В те дни люди ещё не понимали цены кадров, принесённых с маршрута. Тогда им важна была только победа. Мы жили тогда без зеркала, если можно так будет сказать: в каждом лице мы узнавали себя—такой же восторженный блеск глаз, такая же синева под глазами, такие же лоскуты кожи, которые солнце сдирало с носа, щёк и со лба.

Но сегодня, когда на сцены дворцов и актов залов выходят герои экспедиции, они уже другие, неузнаваемые люди. То гималайское время отошло от них. Но оно осталось в кино- и фотографических документах.

У подножия ледопада Кхумбу мы задыхались и горячились, когда Евгений Игоревич Тамм принял решение — кинооператора высотных съёмок Хуту Хергиани отправить наверх, но без кинокамеры, а как носильщика с грузом... Конечно, это вызвало у Хуты ярость, особенно в конце экспедиции, когда альпинисты приходили вниз и сообщали, что на склонах осталась половина занесённых туда продуктов и кислорода!.. А сколько мог бы отснять тот же Хута Хергиани, если бы он снимал, а не был бы простым носильщиком. Его, по существу, превратили в пятого шерпа киногруппы: четырёх финансировала студия, но работу для киногруппы мы увидели только однажды, когда всё главное было уже позади и шерпы-высотники отдыхали в лагере, ходили в гости в соседние селения...

И в то же время Хута Хергиани не был обеспечен многим: не было пригнанного и проверенного снаряжения, одежды, кислородного оборудования. Об этом не стоило бы говорить, если бы за всем этим не стояла судьба прекрасного альпиниста, своеобразного, непреклонного и гордого. И очень беззащитного человека.

Хута снял блестящие кадры. Незабываем Эрик Ильинский на маршруте. Крупные планы выдающегося альпиниста, на наших глазах отдающего последние силы вершине. Не хватает воздуха. Широко открыт рот. Ветер рвёт рукавицы, привязанные на страховочных верёвках. Еле хватает сил поднимать ноги — но Ильинский устремлён вперёд. И вот он перед нами — во всём своём бессилии и величии.

Хута снял шерпов, которых остановила стена Эвереста. Он снимал на ледопаде во время пурги, на острых гребнях скал. Он только-только вошёл в дело... Работал Хута спокойно, выверенно, и благодаря его огромным моральным и физическим усилиям мы видим многие уникальные кадры. И всегда будем горько сожалеть о том, что решение Евгения Игоревича Тамма было роковым для судьбы Хуты на Эвересте.

Экспедиция сдружила нас на всю жизнь. У всех её участников сложились хорошие, добрые отношения.

Но экспедиция на Эверест никогда не была только увлекательным путешествием в Непал, в Гималаи. Это был жуткий труд, опасности, неизвестность.

Вся ответственность лежала на Евгении Игоревиче Тамме... Человек он своеобразный, волевой и, да простит нас, порой был упрямый. Как мы ни бились, но ни плёнку, ни киноаппаратуру — ничего он не включал в полезный вес, переносимый альпинистом: "Ребята, съёмки — это ваше личное дело".

Очень тяжело приходилось тем, кто нам помогал. Сопровождая караван по тропе, как здесь говорили — по "треккингу", Леонид Трощиненко встретил Эдмунда Хиллари, который первым вместе с шерпом Тенцингом покорил Эверест 29 мая 1953 года.

У Трощиненко была с собой кинокамера, которую мы оставили ему "на всякий случай", для особого события, и он снял Эдмунда Хиллари. Режиссировал эти съёмки Юрий Кононов, наш переводчик, сам прекрасный кинолюбитель.

Позднее Лёня снял эпизод спасательных работ по эвакуации из ледопада Алексея Москальцова.

И опять мы у постели нашего пострадавшего товарища. Ему очень повезло. Через десять дней вертолётom он был вывезен в Луклу. А по пути... снял сверху лагерь и Эверест!

По утрам нас будили молитвы шерпов: "Ом мани падмэ хум..." В трёх метрах от палатки на рассвете обычно Самоду разжигал жертвенный огонь. Хотя мы и жили в одном лагере, но шерпы жили по своим законам. Мы сняли этот эпизод. Вспышкой снято много фотокадров — приход с вершины Валентина Иванова и Сергея Ефимова, эпизоды в палатке, "кают-компания", портреты...

Когда наступили дни штурма, когда к нам уже привыкли и не замечали, сняты крупным планом переживающие люди. И особенно получились Евгений Игоревич, Володя Балыбердин, Володя Шопин, Эдик Мысловский.

...Так вот, в тот день, 4 мая, медленно, очень медленно ползли стрелки часов. После полудня наконец мы заметили на склоне две крохотные фигурки. Они карабкались к вершине горы.

К этому времени солнце уже нагрело склоны окрестных скал и воздух колебался. Всё нам виделось как в дрожащем мареве.

...Перевалило за полдень... Крохотные голубовато-синие точки (Балыбердин и Мысловский были в синих пуховках) двигались к вершине Эвереста очень медленно. Мы смотрели на ребят в свой объектив. Мы были единственными, кто их видел в этот момент.

К этому времени из долины Катманду начали надвигаться отдельные белые тучи. Причём они разрастались как-то внезапно: видимо, тёплые потоки тропического воздуха сталкивались с холодным горным — и чистый участок голубого неба вдруг буквально на глазах набухал белой тучей. Их становилось всё больше, и вот они длинной чередой потянулись вдоль горной цепи, приближаясь к вершине Эвереста.

Синие точки — силуэты Владимира Балыбердина и Эдуарда Мысловского — то ли исчезли за гребнем, то ли растворились в зыбких колебаниях воздушных масс.

К часу дня, как и обещали, подошли шерпы. Это были Акпаци и Дорджи, спускавшиеся вниз к своим родственникам. Увы, их уже нет в живых. Они погибли на Эвересте. И сейчас мы вспоминаем эту ночь, проведённую на склонах Калапаты накануне штурма вершины Владимиром Балыбердиным и Эдуардом Мысловским. Мы с шерпами спали в одной палатке. Они, оказавшись людьми деликатными, заняли места с краю, согревая нас своими телами. Ночь была ветреной и холодной. Акпаци было уже за сорок, у него побаливало сердце; он мечтал сходить ещё раз-другой в экспедицию и потом уйти на покой. Дорджи был молод, силен и тщеславен. Он мечтал покорить Эверест. Это открыло б ему возможность стать сирдаром — руководителем шерпов-высотников. Мы расспрашивали друг друга о семьях, о жизни, рассказывали о нашей стране. Ветер усиливался. Шерпы помогли нам натянуть экран — лавсановое полотно, которое защищало камеру от ветра, вызывающего вибрацию штатива. Шерпы стояли с полотнищем, как с парусом, высоко подняв руки, и такими нам и запомнились навсегда

— устремлёнными в сверкающие миры.

Поздно вечером мы пришли в базовый лагерь и увидели здесь возбуждённых, чем-то встревоженных товарищей. Мы и без слов поняли, что Эверест взят. Но положение, видимо, оставалось сложным. К этому времени Володя Балыбердин на вопрос Евгения Игоревича Тамма: "Как там Эдик?" — ответил: "У него кончается кислород".

Если это и был сигнал "SOS", то выразил его Балыбердин с достоинством, вызывавшим уважение.

Наступила морозная ночь. К счастью, снегопад прекратился, тучи, как внезапно пришли, так же неожиданно быстро растворились в сине-фиолетовом небе. Снежные склоны гор настороженно и таинственно высвечивались мертвящим светом, ветер срывал с них снежные флаги.

То тут, то там раздавался хруст снега под ботинками людей. То тут, то там вышагивали двойки, слышались тихие встревоженные голоса. Радиостанции работали на приём, но Эверест пока молчал. Все уже знали, что Сергей Бершов и Миша Туркевич отправились из последнего лагеря на поиски Балыбердина и Мысловского. Это была настоящая "спасаловка", но на небывалой для наших альпинистов высоте — 8800 метров.

Прошло полчаса. Ещё полчаса. Нервничал Евгений Игоревич. Не то слово — нервничал. Неподальёку от палатки, где работала рация, чувствовался едва уловимый запах какого-то сердечного лекарства... Всем было в этот момент не по себе. А ему — в особенности.

Однако в палатке, где обедали шерпы, почему-то раздавалось весёлое пение, слышались возбуждённые, громкие голоса. Кто-то из нас спросил мистера Говарда, офицера связи, что всё это значит. Он спокойно ответил: "Сегодня праздник Будды. Сегодня он прощает людям все их ошибки. С теми, кто сегодня на Эвересте, всё будет в порядке. Вы удачно выбрали день первого восхождения!" И веселье в палатке продолжалось с новой силой.

Когда с горы пришла весть о том, что альпинисты разыскали Балыбердина и Мысловского, что Туркевич и Бершов принесли им спасительный кислород настал, пожалуй, самый сильный момент этого дня. Все мы, кто был там, в те часы были охвачены мрачной тревогой и жили в предчувствии непоправимой беды. И вот она миновала! И мало того. Туркевич стал требовать права на восхождение, и его поддержал Балыбердин. Евгении Игоревич Тамм едва не был сражён окончательно таким поворотом дела, но не это ли доказывало, что все в здравии и есть ещё возможности и силы у ребят?! Всё благоприятствовало их варианту: вершина была рядом, кислорода было достаточно, товарищи были спасены. И кроме того, совершенно резонно было попробовать пойти на вершину Эвереста, потому что ночевать всем шестерым в двухместной палатке было невозможно.

Тамм дал "добро". Радиостанции опять замолчали. Откуда-то снизу наплывала тяжёлая чёрная туча. Казалось, она вот-вот закроет вершину, и тогда там, в сплошной темноте на вершине горы, может случиться беда.

Лагерь не спал.

И вдруг уже поздней ночью опять в тишине раздался хрип вызова... Туркевич и Бершов сообщали о том, что они взяли вершину. Но этот день, 4 мая, ещё продолжался. И впереди у тех, кто был ниже, и у тех, кто только что покорил Эверест, был ещё спуск...

Радиозаписи сохранили тревогу той ночи. Советы доктора Света Петровича Орловского. Сюда, к нам, в базовый лагерь, при словах "компламин", "обезболивающие", "стимулирующие" будто по невидимым проводам приносило боль, которую терпели ребята там, наверху.

Через три дня, когда альпинисты спустились с вершины и все мы праздновали победу первых покорителей, мы увидели вдруг руки Эдуарда Мысловского. Есть ли документ сильнее, чем эти кинокадры? Руки с обмороженными, чёрными пальцами, а на ладони — долька мандарина. Это были страдающие, обречённые руки мужественного человека, сделавшего всё, на что он был способен, чтобы одолеть в конце концов Эверест...

Рядом лицо Владимира Балыбердина — неузнаваемо похудевшего, пережившего самые

высокие и самые острые чувства. Человека, на наш взгляд, ставшего лидером всей экспедиции. Когда однажды спросили: "А кто же был самым сильным спортсменом экспедиции?" — Тамм ответил: "На тот момент им был Владимир Балыбердин". Нет, не умаляя ничего достоинства, не обижая никого — да никто и не обижался,— это было именно так! Тактическая обстановка складывалась так, что Балыбердин и Мысловский могли и не взойти на вершину. Но Владимир Балыбердин принёс кинокамеру на вершину, снял панораму с высочайшей точки планеты, снял подход Эдуарда Мысловского. Потом они снимали друг друга фотоаппаратом. Кислород у Мысловского кончился, стало трудно обоим. Плёнку в кинокамере Балыбердин оставил. Эту плёнку поднявшийся на следующий день на Эверест Сергей Ефимов возьмёт, но — увы! — потеряет при спуске...

Но сам Ефимов снимет Валентина Иванова. Это случится 5 мая. Вершина голосом капитана команды вызвала Дмитрия Коваленко срочно на рацию: "Дима, срочно объясни нам, как пользоваться камерой, как её заряжать..."

Слышно ребятам нас плохо. Валера Хомутов, находившийся в этот день в лагере-2, ретранслирует наши инструкции. Именно в этом разговоре, таком необычном для нас, мы узнаём, что Владимир Балыбердин занёс на вершину не лёгкий стограммовый широко угольный объектив к камере, а тяжёлый, полуторакилограммовый трансфокатор. Это радость: он снимала не только общие, но и крупные, и средние планы. Но горечь в том, что нам "предоставила слово" не экспедиция, а сама вершина.

Пролежав ночь с 4 на 5 мая на вершине, в снегу, замёрзшая камера долго не работала, и мы попросили ребят согреть её под пуховкой. Наконец через пятнадцать минут она заработала.

Но из того, что было снято Ивановым и Ефимовым, получилось всего несколько кадров. И только один из них был качественным — вот цена этим огромным усилиям...

Однако счастье наше в том, что все четвёрки имели надёжные, лёгкие фотоаппараты, заряженные негативной цветной киноплёнкой. Это были плёнки средней чувствительности, высокой разрешающей способности, и, что оказалось особенно важным, они обладали большой фотографической широтой. Это качество сыграло свою роль: ведь альпинисты не могли постоянно пользоваться экспонометром, допускали передержки и недодержки, но почти всё, что они сняли, было спасено от брака. Мы

благодарим Владимира Балыбердина и Эдуарда Мысловского, Мишу Туркевича и Сергея Бершова, Валентина Иванова и Сергея Ефимова, Валерия Хрищатого и Казбека Валиева, Ерванда Ильинского и Сергея Чепчева, Валерия Хомутова, Юрия Голодова и Владимира Пучкова — они снимали друг друга, а тем самым — историю экспедиции. Спасибо Леониду Трошиненко, Хуте Хергиани, Владимиру Шопину за киносъёмки. Спасибо Николаю Чёрному, Владимиру Воскобойникову, Юрию Кононову, Анатолию Овчинникову, Евгению Игоревичу Тамму, председателю Федерации альпинизма Борису Романову, Свету Петровичу Орловскому — всему коллективу экспедиции на Эверест...

Наступило время сдачи картины. Материал высотных съёмок Евгений Игоревич Тамм увидел впервые только на просмотре фильма. Просмотр произвёл на него настолько сильное эмоциональное впечатление, что сидевшие рядом увидели нашего "железного шефа"... плачущим...

Мы видели наших ребят, впервые смотревших картину, и не помним, кто из них не повторил пример Евгения Игоревича. Потому, наверное, что сами они вкладывали всю страсть и всю душу в дело, которое так триумфально завершили.

А там, на вершине, навсегда осталась кинокамера "Красногорск", которую поднял наверх Владимир Балыбердин. Осталась, как доказательство наших усилий, как память о самых великих днях нашей жизни.

9 мая 1982 года, стоя на вершине Эвереста, Валерий Хомутов спросил базу, что делать с кинокамерой.

"Венделовский дарит её вершине!" — этими словами Евгения Игоревича Тамма и была решена её судьба.

Впрочем, это не совсем точно. Кинокамеру подарили вершине сами восходители — Владимир Шопин, Леонид Трошиненко, Хута Хергиани, Валерий Хрищатый и, наконец, Владимир Балыбердин! Они подарили советскому спорту свой замечательный успех, по праву принадлежащий всему нашему народу.

Гималайская экспедиция

Автор: vlad i slav

21.11.2015 14:56 - Обновлено 21.11.2015 15:27

Мы уверены, что ещё состоятся восхождения на великие Гималаи. Но это восхождение на Эверест, совершённое 4—9 мая 1982 года, было и будет неповторимым.

Книгу можно скачать [здесь](#). С
фотографиями, формат HTML.